
ВОСТОЧНЫЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: ТЕКСТЫ, ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА, ИДЕЙНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

А.О. Шелемова, Фаэзех Каримиан

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются произведения, опубликованные в литературно-публицистических журналах второй половины XVIII в., авторы которых использовали восточные мотивы в целях актуализации пропагандируемых ими общественно-политических и этических и проблем.

Ключевые слова: восточная повесть, литературно-публицистические журналы, Н.И. Новиков, «Трутенъ», «Видение Мирзы», «Благодеяние».

Жанровая разновидность художественного произведения, определенная литературоведами как «восточная повесть», имела довольно обширный ареал распространения в русской прозе второй половины XVIII в. В перечень сочинений подобного рода можно включить, с одной стороны, подлинные переводы восточных сюжетов, среди которых претекстовый образец жанра — цикл сказок «1001 ночь», а также их многочисленные подражания, с другой — западные произведения, известные в переводах на русский язык. Авторами в большинстве случаев были французские писатели, сторонники просветительских идей — Вольтер, Дидро, Монтескье и др., которые использовали восточные мотивы в целях актуализации посредством литературного выступления, пропагандируемые ими общественно-политические проблемы.

К образцам первого типа переводов можно отнести подражания «1001 ночи» Пети де ла Круа «1001 день. Сказки персидские», Тамоса-Симона Геллета «1001 четверть часа. Сказки татарские», «1001 час. Сказки перуанские». Популярны были и анонимные переводы — «Сказки арабские. Приключение Абдаллы», «Пятьсот с половиной утр. Сирийские сказки» и др.

Однако более значимыми, оказавшими непосредственное воздействие на восприятие и становление жанровой модели «восточной» повести в русской литературе исследуемого периода стали произведения французских литераторов-просветителей. Традиция использования ориентальных мотивов и образов русскими писателями восходит прежде всего к творчеству Вольтера — автора произведений «Мир как он есть, или Видение Бабука», «Задиг. Восточная повесть», «Принцесса Вавилонская», в которых французский просветитель мастерски воспроизводил восточную экзотику в целях популяризации своих философских идей.

В связи с вышеизложенными наблюдениями нам представляется наиболее резонным вывод В.Н. Кубачевой, которая в своей фундаментальной статье отмечала, что «во французской литературе XVIII века „восточная“ повесть не имела единого характера. Параллельно существовали два несовместимых ее вида: один —

развлекательный, ведущий начало от восточной фантастической сказки и авантюрно-галантного романа, а другой, лишь внешне сходный с ним вид, — просветительская «восточная» философская повесть. Они развивались рядом, почти не смешиваясь; каждый из них имел свою поэтику» [1. С. 299].

В.Н. Кубачева, анализируя рецепцию французской «восточной» повести на идентичный литературный аналог в русской прозе, определила три направления в литературной реализации ориентальных тем, мотивов и образов: во-первых, морально-этические с религиозной окраской; во-вторых, развлекательные, авантюрно-галантные; в-третьих, просветительские философско-сатирические и нравочительные [1. С. 299].

«Общий термин „восточная повесть“, — уточняет В.Н. Кубачева, — в этих группах имеет не один и тот же смысл. В первой группе он иногда воспринимается как указание на место возникновения, на родину произведения. Во второй чаще определяет лишь место действия, а в некоторых случаях — условный источник: подражание арабским или иным восточным сказкам. Наконец, произведения третьей группы всего дальше отстоят от первоначального значения термина „восточная повесть“» [1. С. 299—300].

Из трех пунктов, определяющих векторы использования восточных мотивов русскими литераторами второй половины XVIII в., наиболее реализуемой нам видится заключительная рубрика. Религиозный компонент в прозе этого периода мало выявлен (он более обозначится в драматургии). Развлекательно-авантюрные сюжетные линии наблюдаются в оригинальных текстах изредка в виде нечастых окказиональных вкраплений. Однако переводные произведения, отнесенные к этой группе, достаточно представительны.

Жанр восточной повести, относящийся к первой группе, представлен такими произведениями, как «Явление, виденное Феодором, пустынноиком Тенерифским» («Сочинения и переводы», 1760), «Обидах и пустынноик» («Ежемесячные сочинения», 1756), «Видение Мирзы» («Утренний свет», 1779). При ознакомлении с текстами этой рубрики бросается в глаза существенная особенность: отсутствие религиозного православного контекста. Поэтому в градации В.Н. Кубачевой при определении главного проблемного критерия для восточных сюжетов первой группы нам представляется спорной вторая часть предложенной дефиниции: непонятно, какую «религиозную окраску» имела в виду исследовательница. Тексты насыщены аллегорическими образами, но все они далеки и от языческой, и от христианской мифологии, а сфокусированы вокруг символических универсалий, олицетворяющих нравственные категории.

Перечисленные повести в идейно-художественном плане сближает содержащаяся в них проповедь высоких морально-этических норм общественного поведения. В качестве образца нравственно-дидактической притчи прокомментируем «Видение Мирзы». Анализ именно этого произведения мы предпочли по одной причине: сюжет его перекликается со сказкой Екатерины II о мудрой царевне Фелице, добродетельном царевиче Хлоре и порочном Мурзе, который послужил основой к созданию Г.Р. Державиным его знаменитой оды.

Заглавный персонаж анонимного произведения Мирза в отличие от державинского порочного Мурзы — образ положительный. Его волнует нравственная проблема субъективной сущности человека, внутреннего выбора в борьбе между наслаждением плотскими страстями и следованием высоким духовным моральным идеалам. Ответ на сомнения героя приходит в «видении», когда ему является некий дух по имени Геонех, пригласивший Мирзу посетить «неведомые» земли за «багдадскими горами»:

«Мирза! Я обещал познакомить тебя с духовным миром... Посредством моим духовные вещи спустятся несколько степеней ниже с бесконечных высоты своей, и взорам твоим, в виде приличнейшем теперешнему образу мыслей и способностей твоих, предстанут» [2. С. 285].

Герой в видении становится свидетелем спасения Души, которую Владыка за провинность низвергнул «в нижний мир сей» для испытаний грешными искушениями. Проступок ее не был серьезным прегрешением:

«Некоторые сказуют, якобы она при некоем торжестве, упившись нектаром, вступила противу Царя духов в заговор... Другие же мнят, что не столько учиненное преступление, как некое тайное намерение Царя сего, которого никто знать не может, происшествию сему причиною; а сие тем вероятнее быть кажется, ибо неоспоримо, что Сам Он печется, чтобы Душа сия возвратилась паки во природную землю неведимую» [2. С. 286—287].

Но хрупкой, «эфирной» Душе пришлось преодолеть козни «коварных» противников, изображенных в персонифицированных образах порочных Желаний, Веселий и Глупости, вовлекающих ее в вакханалию плотских безумств. Победе Души над безнравственными соблазнительями способствовала Добродетель, явление которой уподобилось «оному блаженству, вкушаемому ею по среде ангелов; она мнила в лице Добродетели видети черты вечных красоты, которую прежде всего обожала» [2. С. 295].

Таким образом, возрождению Души способствовала Добродетель. Пребывающий в философском поиске решения проблемы духовности Мирза благодаря своему видению познал высший смысл человеческого бытия:

«Но всего удивительнее, и для зренья моего восхитительнее, было то, что всякое желание, движущееся вокруг Добродетели, яко в округе средоточия своего, подобно зеркалу принимало образ оныя; каждое из них казалось списком Добродетели во свойственном ему виде» [2. С. 296].

В.Н. Кубачева в своем исследовании, кратко анонсируя восточную повесть «Видение Мирзы», отметила, что в ней и близких по содержанию произведениях решаются морально-этические проблемы «с позиции философа-мудреца, аскетически отрешившегося от мирской суеты... Поучения и толкования облечены в форму откровения, видения, явления. Образы пустынников, духов, ангелов композиционно помогали автору по-своему обобщить явления. Тут была и принципиальная позиция: слабый человеческий разум не способен достичь вершин знания — «истинное» знание связано с откровением» [1. С. 300—301].

Вторая группа повестей, художественной задачей которых была развлекательная цель, — самая малопредставительная в оригинальной интерпретации восточной темы русскими литераторами. Вместе с тем поток переводных текстов любовного содержания хлынул в журналы с переизбытком. В 1763 г. российский читатель впервые познакомился со сказками «1001 ночи», ставшими сразу самыми читаемыми и популярным; их публикация продолжалась до 1771 г. Издатели журналов тут же подхватили «волну» популярности «восточных» повествований, предлагая многочисленные подражания «1001 ночи»: переводы с французского языка так называемых персидских, татарских, китайских и прочих сказок. Русского подписчика-обывателя, утомившегося от чтения злободневных публицистических материалов, привлекла восточная сказка с ее изящной экзотикой и фантастическими приключениями. Растущий «рейтинг» популярности развлекательного чтения вызвал осуждение в среде русских журналистов и литераторов, во-первых, потому «что авантюрное повествование требовало много места», во-вторых, «содержание подобных произведений казалось издателям журналов неприемлемым. Русская журналистика отрицательно отнеслась к засилью в литературе бессодержательных, развлекательных «восточных» сказок, повестей и историй» [1. С. 302], а писатели игнорировали «моду» на восточную развлекательную прозу. Единичные попытки подражания французам в оригинальном прочтении сказок «1001 ночи» вызвали поток резкой критики. Так, переложение восточного текста М. Поповым было воспринято весьма негативно. Критики указывали на антипедагогическое влияние ориентального сюжета. В одной из рецензий отмечалось: «Большая часть романов многим, особенно молодым людям вредна, хотя бы тем только, что напоясь они сею сладостию, чувствуют уже отвращение от здоровой и больше им приличной пищи, равно и тем, что, представляя себе примеры вымышленных лиц, щастия своего ожидают от случайных приключений, которого они от доброго поведения и трудолюбия своего ожидать должны были» [3. С. 318-319]. Попов же отрицал эти обвинения, полагая, что переводы обладают правом существовать даже отодвинутыми на периферию литературы.

Мнение Попова вполне оправданно. Легкие, довольно динамичные в развитии сюжета, в отличие от пространных, перенасыщенных назидательными максимами, занудных нравоучительных текстов, эти повести привлекали читателя любовной интригой и, несмотря на их наивность, явный авторский дилетантизм, были весьма популярны и публиковались чуть ли не в каждом выпуске даже таких авторитетных изданий, как новиковские «Утренний свет» и «Городская и деревенская библиотека». При этом развлекательные тексты параллельно осуществляли и воспитательную функцию, наподобие сказок вообще и сказок «1001 ночи» в частности.

В качестве примера подобного восточного текста, замаскированного под перевод с французского (а может быть, и действительно переведенного) проанализируем опубликованную в журнале «Утренний свет» восточную повесть, основой сюжета которой является любовная история, счастливый конец которой предрешен ситуацией, обозначенной в заглавии, — «Благодеяние». В конце этого произведения указывается сведение: «Перевел с французского языка Дмитрий Рыкачев» [4. С. 286].

Сюжетную интригу завязывает описание несчастной любви бедного, безродного, изображенного в повествовании безымянным юноши и его возлюбленной Фатьмы, дочери состоятельного крестьянина Сгель Адара. Изначально отец девушки был твердо категоричен в своем отказе на ее брак с бедным простолюдином, что явилось причиной изгнания молодого человека и разлуки со своим отцом и маленькими братьями.

Извечное противоборство морали властных «отцов» и непокорных «детей» разрешается в повести идиллически в пользу «детей». Счастливое воссоединение влюбленных происходит благодаря судьбоносному случаю — встрече отчаявшегося молодого человека и умудренного жизненным опытом старика, проникшегося симпатией к несчастному юноше:

«Молодой человек подняв голову, пребывал в глубоком молчании, взирал несколько время на старика с удивлением, находя в нем чувствительность и благосклонность. Единой вид доброго Пастора подавал доверенность; глаза его были наполнены приятности и остроты; они имели сии нежные взгляды, утешающие несчастных» [4. С. 282].

Молодой человек, спасенный от смерти старцем, поведал ему свою несчастную историю:

«Я любил Фатьму, она любила меня; отец ее о том сведал; мы ему открыли страсть нашу, а он хочет принудить меня удалиться от той страны, где обитает дочь его. Я бросился к ногам его и сказал: «О родитель Фатьмы, позволь по крайности жить мне в одной с тобой долине: я согласен не говорить уже с Фатьмой, не буду знать, любит ли она меня еще, обещаюсь тебе, не буду знать о ней» [4. С. 283].

Оказавшийся богатым владельцем пастбищ и скота старец становится благородным покровителем влюбленных, жертвующим частью своего имущества для выкупа невесты и тем самым примиряющим враждующие стороны. Повесть завершается воистину идиллической картиной — описанием созерцающей умиротворенным покровителем семейной сцены:

«...Добрый Пастух... остановился, чтобы насладиться всем тем, что лестное и приятное зрелище может дать удовольствия. Два старика показывали друг другу некоторых юношей, между которыми находились два мальчика... Добрый Пастух узнал, что сии мальчики были братья младаго супруга Фатьмы... При деревьях Фатьма и супруг ее сидели на траве... смотря пристально друг на друга, и столь тихо усмехались, что казалось, единая привычка удовольствия учиняла взор их приятным... Добрый пастух видел и слышал повсюду к нему относящиеся радостные восклицания. Везде восклицали ему похвалы и прославляли его имя» [4. С. 285—286].

Счастливая развязка в повести в результате представляет собой лишь внешним образом привлекательный сюжетный предлог для выражения более важных в просветительской литературе мыслей, вскрывающих проблему социального имущественного неравенства, во-первых, и актуализирующих дидактическую задачу воспитания благородства и великодушия, во-вторых. Однако негативные качества, в частности алчность Сгель Адара, ретушированы счастливой развязкой и открытого обличения не содержат.

Интенсивное же использование восточной темы в русской прозе второй половины XVIII века обнаруживается в следовании вольтеровской обличительно-сатирической в совокупности с нравоучительно-проповеднической традиции, что выявится в отечественной литературе как «жанр идеологический, разрешавший наиболее общие и в то же время злободневные философские вопросы, с одной стороны, и как сатирический жанр, с другой» [1. С. 298]. Подобные литературные сочинения, как авторизированные, так и анонимные, в изданиях, прежде всего журнальных, печатались регулярно. Наибольшей популярностью пользовались журналы Н.И. Новикова.

Как было отмечено выше, преобладающее влияние французской «восточной» повести на русских писателей, воспринявших идеи Просвещения, восходит к вольтеровскому публицистическому и литературному творчеству, прежде всего его философско-сатирическим повестям, идеологически насыщенным актуальными, злободневными для современного общества проблемами, маскирующимися авантюрно-восточными сюжетами. Новиковские «Ежемесячные сочинения» уже в первых номерах журнала поместили публикацию перевода вольтеровского «Задига» с его концептуальным предисловием, суть содержания которого — намек на творческое использование восточной аллегории в целях актуализации своей художественно-публицистической задачи. Открыто, без какого-либо подтекстового намека, вольтеровское творческое кредо выявлено в письме к Мормантелю, где он призывал адресата: «Вам следовало бы непременно сочинять философские сказки, где вы сможете предать осмеянию кое-каких глупцов и некоторые глупости, некоторые подлости и кое-каких подлецов — все это с умом, вовремя, подстригая когти зверя тогда, когда застанете его спящим» [5. С. 286]. Новиков блестяще реализовал этот эстетический лозунг в лаконичных журнальных статьях, впрочем, как впоследствии идею Вольтера блестяще воплотят его русские литературные преемники — И.А. Крылов и А.Н. Радищев.

Однако прежде чем обратиться к анализу текстов, опубликованных в журналах Новикова, где вольтеровский ориентализм совмещается с насущной идеей просвещенного правления в Российской империи, рассмотрим синхронный аспект функционирования восточных сюжетов, появление которых в отечественных литературных произведениях обусловлено реальными событиями, связанными не с внутренними проблемами государственного устройства, а с внешней политикой России.

В.Н. Кубачева в содержательном разграничении восточных повестей, представленных в русской прозе второй половины XVIII в., обошла вниманием тему, которая в триаде жанрово-мотивных модификаций, ею обозначенных, может быть дополненной четвертой группой литературных сюжетов, основанных на реальных событиях взаимоотношений России и Востока. Имеется в виду военное русско-турецкое противостояние. События театра боевых действий, громкие победы русской армии освещались в журналах сообщениями документального характера. Вместе с тем некоторые авторы не преминули сатирически изобразить вражеские военные неудачи. В качестве примера приведем любопытный материал, опубли-

кованный Н.И. Новиковым в журнале «Пустомеля» (1770 г.). Автор использует широко представленную в его первом журнале «Трутень» жанровую форму «Ведомостей». Однако если прежде обличительный характер ведомостных публикаций был сугубо сатирический, то после закрытия «Трутня» в новом издании Новиков избрал тактику осторожности и действовал через подставное лицо: донесение в Академию наук с просьбой печатать «Пустомелю» он написал от имени некоего маклера Фока. Одной из тем нового журнала была заявлена патриотическая — прославление подвигов русских солдат в войне с Турцией. Однако реализовать эту задачу удалось только частично, поскольку публикации Новикова продолжали сатирическую установку «Трутня» даже в отображении такого серьезного события, как русско-турецкая война, и журнал после второго выпуска был закрыт.

В первой ведомостной статье ироническая интонация еще скрывается в подтексте:

Ведомости из Константинополя

«Ни который народ не был приведен до такой крайности, чтобы торжествовал успехи неприятельского против себя оружия; но у нас сие делается. Орудия, коими до сего времени турки врагов своих поражали и которые возвещали наводимый ими на всю Европу ужас, ныне только нас самих приводят в трепет и возвещают народное несчастье. Неизвестно, по какой ложной политике, при всякой одержанной неприятелями над нами победе диван делает торжество: но народ обманам сим не верит... Ни султанский гнев, ни деньги, ни проклятие, муфтием налагаемое на тех, которые не пойдут в армию, не делает их храбрыми. Повсюду говорят о падении турецкой монархии; народ во отчаянии бродит по улицам и вопиет: „Проснись, Магомед, мы все погибаем!“; но совсем неизвестно, где он теперь и что о народе своем промышляет. Турки точно в такое же бедственное россиянами приведены состояние, в какое турками за несколько сот лет приведены были греки. Янычары Магомеда призывают на помощь, но сабель из ножен не вынимают» [6].

Следующая публикация уже лишена иронического намека: автор открыто издевается над поверженными турками, пытающимися найти способы дать отпор русской армии, даже такие нелепые, как волосоподвивание:

Оттуда ж

«На место старого выбран новый муфти, который меньше прежнего к войне имеет склонности. Он, собравши всех толкователей Алкорана, предложил им для решения самую претрудную задачу, а именно: отчего русские солдаты несравненно превосходят храбростию турок? Толкователи пришли от сего вопроса в недоумение; они очень долго потели, приискивая приличное сему в Алкоране; наконец заключили, что храбрость сия и неустрашимость происходят от завивания и пудрения волос. Муфти предложил сие султану и давал свое разрешение, чтобы всем янычарам обрить бороды и завивать волосы. Султан приказал немедленно требовать у министра некоей доброжелательной нам державы, чтобы он для турецкой армии выписал парикмахеров, пудры и помады...» [6].

Далее ведомостная хроника достигает своего сатирико-иронического апогея. Европейские государства «поддерживают» турок и направляют им в «помощь» лучших своих цирюльников. Создатель цикла «Ведомостей» выступил

как аноним, но с большой долей вероятности можно предположить, что текст принадлежит Н.И. Новикову. Иронически изысканная стилевая манера повествования, отличавшая статьи в «Трутне», а также варьирование сугубо новиковских тем и образов свидетельствуют о его авторстве. В качестве сравнительного образца приведем фрагмент «Статей из русского словаря», опубликованных в «Трутне»:

«Украсить голову по-французски. О приведении в совершенство сея науки Франция несколько лет прилагает попечение. И хотя в Париже заведена академия *Волосоподвигательной науки*, изданы в народе печатные о том книги, но однако ж и по сие время, так же, как и философия, в совершенство не пришла, из чего следует, что быть совершенным волосоподвигателем так же трудно, как и философом, да и науки сии одинакии, одна украшает голову снаружи, а другая внутри, а что к первой ныне более прилепляются, тому причиною мода. Да сие и весьма справедливо: украшенная снаружи голова гораздо почтеннее украшенной внутри... А в том и никакого нет сомнения, что хорошо завитые волосы скорее ума приметить можно: волосы снаружи, а ум внутри...» [7. С. 366].

Новикову удалось издать только два выпуска «Пустомели»: этот журнал, как и «Трутенъ», был запрещен. Причина закрытия — публикации политической сатиры, неугодной Екатерине II. Помимо оригинальных новиковских сочинений, в журнале были напечатаны сатира «Послание к слугам моим» Д.И. Фонвизина и обозначенная как перевод с китайского статья под названием «Завещание Юнджена китайского хана к его сыну». Эта статья приурочена ко времени столетия Павла Петровича в сентябре 1772 г. Вопрос о наследственных правах императрицы и ее сына все чаще и чаще обсуждался в обществе, и эта публикация для Екатерины была «бомбой».

Современные исследователи приписывают авторство статьи Алексею Леонтьевичу Леонтьеву. Википедия предоставляет о нем довольно обширные сведения. Он был единственным профессиональным синологом в екатерининское время, служил в русском посольстве в Пекине, а по возвращении получил должность переводчика в Коллегии иностранных дел. Леонтьев перевел на русский язык более 20 китайских и маньчжурских сочинений, в том числе и два текста, опубликованных Новиковым (с позволения автора или по собственной инициативе?) — «Чензья, китайского философа, совет, данный его государю» («Трутенъ», лист 8) и «Завещание Юнджена китайского хана к его сыну» («Пустомеля», лист 2). Возможно, Новиков воспользовался текстами Леонтьева, спроецировав их содержание на обсуждаемую злободневную тему «просвещенного» правления в целом и законности власти Екатерины в частности. Оригинальные китайские сочинения в контексте новиковских сатирических публикаций воспринимались как скрытая под восточным флером критика государственного правления российской императрицы.

Основная идея обеих статей — «полезная государству» деятельность верховного властителя. Среди наставлений философа Чензья — соблюдение законов, учрежденных во имя благополучия подданных, а также разумный выбор достойных личностей в управленческий аппарат:

«Знай, что не было от века такого государя, который не желал бы благополучия своим подданным, но немногие достигли до исполнения оного, а сие ради того, что

государи часто бывают легковверны, окружают себя льстецами, следовательно такие не могут знать истинного состояния своих подданных, посему не могут они ни полезных делать учреждений, ни искоренять злоупотреблений... ни награждать добродетельных... Поручай государственные дела во правление мужам достойным, и одному тебе в пространном твоём владении ни всего узнать, ни исправить невозможно...» [8. С. 209—210].

В «Завещании Юнджена...» монарх, беспрекословно следуя закону, наставляет соблюдать утвердившийся веками «прародительский» режим «для управления пространного и многочисленного нашего государства» [9. С. 267].

Из описания восточной идиллии в восприятии ее российским читателем предстает идеальный правитель — справедливый, честный и послушный законам, в том числе и закону престолонаследия:

«Хотя не могу сказать, что о чем я заботился и чего желал, то все исполнилось, но могу достоверно обнадежить, что все дела приходят в желаемый порядок и точность. Подданные... живут в довольствии и веселии; хлеб всякой родится изобильно, и часто проявляются благополучные предзнаменования...

Да сем будет известно, что я избрал и утвердил наследника во вступлении на престол... Сего избранного мною наследника возведите по мне на престол мой, памятуя, что ныне, по милости и охранении высочайшего неба, по оставшимся от наших прародителей благим законам и по моим трудам обитает во всем нашем государстве мир и тишина и такое время, в которое государь и подданные могут быть благополучны и наслаждаться веселием и радостью» [9. С. 268—269].

Главную идею опубликованного Новиковым перевода отметил А.В. Западков: «Обращаясь к своему сыну, Государь преподает ему урок правления. Тот порядок, который он ввел в стране, так не походил на состояние России, что читатель невольно сравнивал Юнджена с Екатериною II, отчего она весьма проигрывала» [10. С. 81].

После опубликования «Завещания Юнджена...», насыщенного политической и идеологической дидактикой, преподнесенной в иносказательном восточном флере, издание «Пустомели» было запрещено.

Обозначенная в журналах Новикова ориентальная тема предуготовила появление в русской прозе последней трети XVIII века произведений критического содержания, вобравших одновременно с вольтеровской просветительско-философской мыслью актуальную в условиях российской политической ситуации идею просвещенного монархического правления. Писатели активно использовали восточную аллегорию в качестве удобной литературной формы для критического отображения политического режима екатерининской России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. Сб. 5. — М.; Л., 1962.
- [2] Видение Мирзы // Утренний свет. Ежемесячное издание. Ч. III. — М., 1779.
- [3] Санкт-Петербургский вестник. Ч. 1. — М., 1778.

- [4] Благodeяние. Восточная повесть // Утренний свет. Ежемесячное издание. Ч. VIII. — М., 1780.
- [5] Цит. по: *Державин К.Н.* Вольтер. — М., 1946.
- [6] Письма из Константинополя // Пустомеля. — URL: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0070.shtml
- [7] *Новиков Н.И.* Трутень // Русская литература XVIII века. 1700—1775. Хрестоматия / Сост. В.А. Западов. — М., 1979.
- [8] *Леонтьев А.Л.* Чензья, китайского философа, совет, данный его государю // Трутень. Лист 8. — М., 1770.
- [9] *Леонтьев А.Л.* Завещание Юнждена, китайского хана, к его сыну // Пустомеля. Лист 2. — М., 1770.
- [10] *Западов А.В.* Новиков // ЖЗЛ. — М., 1968.

LITERATURA

- [1] *Kubačeva V.N.* «Vostočnaja» povest' v ruskoj literature XVIII — načala XIX veka // XVIII vek. Sb. 5. — М.; Л., 1962.
- [2] Videnie Mirzy // Utrennij svet. Ježemes'ačnoje izdanije. Č. III. — М., 1779.
- [3] Sankt-Peterburgskij vestnik. Č. 1. — М., 1778.
- [4] Blagodejanie. Vostočnaja povest' // Utrennij svet. Ježemes'ačnoje izdanije. Č. VIII. — М., 1780.
- [5] Cit. po: *Deržavin K.N.* Vol'ter. — М., 1946.
- [6] Pis'ma iz Konstantinopol'a // Pustomel'a. — URL: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0070.shtml
- [7] *Novikov N.I.* Truten' // Russkaja literatura XVIII veka. 1700—1775. Chrestomatija / Sost. V.A. Zapadov. — М., 1979.
- [8] *Leontjev A.L.* Čenzija, kitajskogo filosoфа, совет, dannyj ego gosudar'u // Truten'. List 8. — М., 1770.
- [9] *Leontjev A.L.* Zaveshchanije Junžena, kitajskogo chana, k jeho synu // Pustomel'a. List 2. — М., 1770.
- [10] *Zapadov A.V.* Novikov N.I. // ŽZL. — М., 1968.

EASTERN PLOTS IN RUSSIAN MAGAZINE PROSE THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY: TEXTS, GENRE SPECIFICITY, THE IDEOLOGICAL PRIORITIES

A.O. Shelemova, Faezech Karimian

Peoples' Friendship Universit of Russia
Miklucho-Makaya str., 6, Moskow, Russia, 117198

The article takes up the creations, which was published in the literary and publicistic magazines the second half of XVIII century. Its authors used the eastern motives for actualization socio-political and ethical problems, propagandized by them.

Key words: eastern story, literary and publicistic magazines, N.I. Novikov, «Truten», «Videniye Mirzi», «Blagodeyaniye».